

Table of Contents

Рождение славян

Поиски компромиссных решений

Данные языкознания

Данные письменных источников. Проблема венедов

Перспективы третьего пути

Попытки синтеза. Конспект концепции

Поиски компромиссных решений

Данные языкознания

Данные письменных источников. Проблема венедов

Перспективы третьего пути

Попытки синтеза. Конспект концепции

История России

Рождение славян

Автор:

Шахи Мохамед

2017

Еще первый русский летописец в начале XIII в. задавался вопросом:

“Откуда пошла есть Русская земля?”(ПВЛ, I: 917). С тех пор на этот

счет было высказано множество самых разнообразных точек зрения.

Изложение и разбор их занял бы слишком много места, и я могу лишь

отослать читателя к обзору позиций разных авторов от средневековых

хронистов до Л.Нидерле и М.Фасмера, сделанному В.В.Седовым

(Седов 1994: 748). Здесь мы сформулируем лишь основные

тенденции, намечающиеся в работах только археологов и только за

последние десятилетия.

Четверть века тому назад археологи знали достоверно славянские

памятники лишь VIII вв — древности типа Луки Райковецкой к

западу от Днепра и роменскоборщевскую культуру на его

левобережье (Гончаров 1950; Гончаров 1963; Ляпушкин 1958;

Ляпушкин 1968). Оба археологических единства непосредственно

предшествовали культуре Киевской Руси и перерастали в нее. Далее

следовало определить ретроспективным методом "от известного к

неизвестному": что предшествовало появлению достоверно славянских

культур?

А предшествующей была лишь черняховская культура IIIIV вв., и

просто на просто не оставалось другого выхода, как видеть в ее

носителях тоже славян (Рыбаков 1948; Брайчевський 1957;

Брайчевський 1964; Махно 1949; Смішко 1953; Голубева 1957).

Скептики, представленные в основном ленинградской школой, могли

сомневаться, указывая на хронологический разрыв между

черняховской культурой и достоверно славянскими памятниками, на

совпадение времени существования черняховской культуры с

пребыванием в Причерноморье готов (Артамонов 1956; Тиханова

1957; Корзухина 1955), но не могли для славянской проблемы

предложить альтернативного решения, предпочитая оставить вопрос

открытым.

Сторонники же первой точки зрения выстраивали следующую

ретроспективную секвенцию культур: черняховской предшествовала

зарубинецкая рубежа эр; далее следовала скифская “зольничная”

культура VIII вв. до н.э., затем — предскифские чернолесская и

белогрудовская, наконец — тшинецкокомаровская эпохи бронзы. Это

был южный, или украинский путь ретроспективного поиска. В то же

время польские слависты археологи пытались решить проблему на

другом пути, не проявляя особого стремления согласовать это с

мнением украинских коллег. Строилась следующая секвенция:

славянам VIII — IX вв. на территории Польши предшествовали

пшеворская и оксывская культуры II в. до н.э. — IV в. н.э., объединяемые тогда зачастую под термином культуры венедской,

затем следовала поморская культура VIII вв. до н.э. и, наконец,

лужицкая, уходящая корнями в эпоху бронзы (Kostrzewski 1923;

Kostrzewski 1961; Jazdzewski 1949).

И на украинском южном пути, и на западном, польском, встречалось,

однако, одно и то же труднопреодолимое препятствие: цепочки

культурной преемственности рвались, связи между звеньями

оказывались слишком слабыми, и держались они на подсознательно,

априори, принятом признании автохтонности всех культур. Вряде

случаев зияли большие хронологические разрывы. Особенно

разительна была разница последних пар звеньев: черняховская

культура и славяне на южном пути, Пшевор и славяне — на

западном. Хронологический разрыв составлял около 400 лет. Хиатус

между черняховской культурой и историческими славянами

пытались ликвидировать при помощи так называемых “древностей

антов” VIII вв. Они были представлены серией кладов, но не был

тогда еще известен пласт поселений и могильников, соответствующий

этим древностям. Была предпринята попытка зачислить “древности

антов” в черняховскую культуру, повысить ее верхнюю дату до VII в.

и, таким образом, сомкнуть ее со славянскими культурами

(Брайчевський 1952; Брайчевский 1957а). Попытка эта, однако, не

принесла успеха (Березовец 1963; Щукин 1967; Щукин 1968). Но вот

были обнаружены памятники, казалось бы, закрывающие

черняховскославянский хиатус: поселения и могильники, на которых

встречались и вещи из “антских кладов”, и своеобразная так

называемая керамика “пражского типа”. Последняя была известна и

ранее, но плохо поддавалась датировке (Гамченко 1896; Borkovsky

1940; Кухаренко 1955; Березовец 1958; Кухаренко 1960; Хавлюк 1960;

Хавлюк 1961; Хавлюк 1963). Оказалось, что искать такие памятники

нужно в необычных топографических условиях: в местах низких,

зачастую ныне затопляемых во время половодий. Число памятников

начало стремительно расти, и вскоре археологи стали различать на

обширных пространствах Восточной и Центральной Европы целых

три, очень похожих друг на друга, раннеславянских культуры V-VI

вв. — пражскокорчакскую, пеньковскую и колочинскую (Русанова

1973; Березовец 1963а; Петров 1963; Рафалович 1972;
[?][?][?][?][?][?][?][?]

1980; Симонович 1963; Падин 1969; Горюнов 1981; Баран 1988;
Zeman

1976; Brachmann 1978; Parczewski 1988; и др).

Облик памятников этих культур хорошо
соответствует тем описаниям

быта ранних славян, которые мы находим у
византийских авторов

современников (Proc. V.G. III. 14, 2230), а ареалы трех
культур, во

всяком случае пражско-корчакской и
пеньковской, вполне

соответствуют и зонам расселения трех
крупнейших группировок

славянских племен, описанных Иорданом, тоже
современником

событий (Iord. Get. 34, 119) — склавинам, антам и венетам.
Сходные

древности обнаружены и в Нижнем Подунавье —
группы памятников

типа Ипотешть-Кындешть-Чурел и
Костиша-Ботошана в Румынии,

славянские поселения Болгарии (Въжарова 1965;
Въжарова 1976;

Nestor 1957; Mitei 1962; Teodor 1978; Comsa 1974; Comsa 1974а; и др.)

— где славяне активно действовали в VI-VII вв.
(Шувалов 1989;

Мачинский 1981). Ясно ощущается и
преемственность с последующими

Руси. Короче, особых

сомнений славянская принадлежность этих памятников не вызывает.

Ныне это тот отправной пункт, от которого можно начинать

дальнейшие ретроспективные поиски, та “славянская печка”, от

которой можно “плясать дальше”.

Славянская археология в 60х годах сделала чрезвычайно важный

шаг, уверенно спустившись по лесенке ретроспекции на одну

двухсотлетнюю ступеньку. Но трудности не исчезли. Наоборот —

возникли новые. Хронологический разрыв сократился, но разница

облика этих славянских культур и их предшественниц на обоих путях

стала еще резче.

С одной стороны, мы видим эффектные и яркие черняховскую и

пшеворскую культуры с богатейшим ассортиментом

разнообразнейших форм посуды: серой гончарной в черняховской,

чернолощенной лепной в пшеворской (миски, кувшины, вазы, причем

миски составляют значительный процент). С другой — славянские

культуры с их исключительно лепной грубой керамикой,

представленной лишь высокими слабопрофилированными горшками

да иногда сковородками. Мисок, ваз и кувшинов практически нет

вовсе.

Большие черняховские могильники почти всегда биритуальные, есть

и трупоположения, и трупосожжения, во многих из них обилие

разнообразных вещей: фибулы, пряжки, подвески, ожерелья, нередки

стеклянные кубки. В трупосожжениях пшеворской культуры, кроме

тех же фибул и пряжек, — масса оружия, ритуально согнутые мечи,

копья, шпоры, умбоны щитов. Есть такие же находки и на

поселениях, тоже, как правило, больших, долговременных.

Черняховцы к тому же строили, наряду с обычными

общеевропейскими небольшими полуземлянкам, длинные наземные

дома.

Всего этого нет в славянских культурах: ни длинных домов, ни

трупоположений, ни оружия и других вещей в погребениях; находки

фибул, как и прочих металлических изделий, — большая редкость.

Поселения и могильники, за редкими исключениями, невелики,

кратковременны. Различна сама структура этих культур, “мисочных”

и “фибульных” в первом случае, “горшечных” и “бесфибульных” — во

втором (рис. 1).

Славянские культуры VIII вв. имели с черняховской и пшеворской

культурами даже больше общего, чем непосредственно следующие во

времени за последними раннеславянские памятники VII вв. В IX в.

уже начинает вновь появляться гончарная керамика, больше

металлических вещей. Это объясняется, вероятно, стадийным

сходством — и те, и другие находились на предгосударственной

стадии социального развития. Развитие черняховского и пшеворского

сообществ было прервано, однако, в конце IV века нашествием гуннов

и последовавшими процессами эпохи всеобщего переселения народов,

охватившими всю Европу и видоизменившими ее карту. Этими

обстоятельствами, а также общим процессом деградации

материальной культуры всех европейских народов после крушения

Римской империи пытаются иногда объяснить и наблюдаемое

различие раннеславянских культур и их предшественниц римского

времени.

Этот аргумент, однако, положения не спасает. В первых, слишком

велики различия. Если бы большая часть черняховского и

пшеворского населения продолжала жить на своих прежних местах

вплоть до VI в., трудно себе представить, чтобы даже в условиях

жесточайшего кризиса оно полностью утратило все навыки и

традиции. Во вторых, в Западной Европе, тоже пережившей те же

процессы, такого не произошло. На синхронных памятниках

меровингского времени мы найдем и лощеные миски, и кувшины, и

оружие, и фибулы. Формы видоизменились, но смены структуры не

произошло (Schmidt 1961, 1976; Perin, Feffer 1987; Feffer, Perin 1987).

И только там в Центральной Европе, где появляются славяне,

наблюдается резкое различие культур позднеримского времени и

раннего средневековья, как правило, с определенным хиатусом

между ними. Это явление было блестяще изучено Казимежем

Годловским, введшим тогда же чрезвычайно важное понятие

“структуры археологических культур” (Godlowski 1979).

Становилось ясно, что поиск прямых предков раннеисторических

славян в носителях черняховской и пшеворской культур не может

принести положительных результатов. Следовало искать другой

выход.

Поиски компромисных решений

Оказавшись снова перед тупиком, археологи в конце 60х и в 70х

годах начинают искать новые возможности решения проблемы.

П.Н.Третьяков продолжает идти по южному пути, но с обходным

маневром, минуя черняховскую культуру (Третьяков 1966: 220230;

Третьяков 1974; Третьяков 1982). Ему удалось обнаружить в

Подесенье памятники, располагавшиеся в тех же топографических

условиях, что и раннеславянские, со сходной структурой культуры, но

более ранние — IV веков. Поскольку на них изредка встречались

черепки чернолощенных лепных мисок и горшки с насечками или

пальцевыми вдавлениями по венчику, напоминающие посуду

зарубинецкой культуры, П.Н.Третьяков считал открытые древности

поздnezарубинецкими. Подобные памятники были обнаружены и на

Киевщине, и на Днепровском Левобережье. Их объединили сначала в

“памятники киевского типа” (Даниленко 1976), затем — в киевскую

культуру (Горюнов 1981; Терпиловский 1984).

П.Н.Третьяков предполагал: когда во II веке н.э. возникла

черняховская общность, носители зарубинецкой культуры Среднего

Поднепровья были вынуждены отступить на север и северо-восток, а

после гуннского нашествия и крушения Черняхова вернулись уже в

виде раннеисторических славян. Идея оказалась в общем

плодотворной, хотя и выявился затем ряд неточностей. Черняховская

культура возникла не во II в. н.э., а не ранее 2060х годов III века

(Щукин 1976; Szczukin 1981; Гороховский 1989; Шаров 1992), и не

черняховцы, а сарматы в середине I в. н.э. заставили носителей

зарубинецкой культуры сдвинуться на север (Щукин 1972; Щукин

1994:232239).

Но более всего в построении П.Н.Третьякова смущает одно — априори

принятое славянство зарубинецкой культуры. Автор идеиссылается

лишь на мнение большинства исследователей и на расположение

зарубинецкой культуры в зоне раннеславянских топонимов. Против

последнего справедливо возражал В.В.Седов: и зона эта значительно

шире, и датировка топонимов неизвестна (Седов 1970: 41).

Изучение генезиса зарубинецкой культуры в последние годы тоже

дает результаты, противоречащие этой посылке. В первых,

выясняется, что образованию зарубинецкой и родственной поянешть

лукашевской культур предшествовало проникновение населения

губинской группы из междуречья Одера и Нейсе, группы,

представляющей собой сплав поморской культуры Польши и

ясторфской Германии (Мачинский 1966; Щукин 1993; Щукин 1994,